

В.В. Голина, д-р юрид. наук, профессор,
зав. кафедрой криминологии
и уголовно-исполнительного права
Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого,
член-корреспондент АПрН Украины, г. Харьков

УДК 343.9.01

ПРЕСТУПНОСТЬ: МНОГООБРАЗИЕ ПОНЯТИЙ И ПРЕДМЕТНАЯ СУЩНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ

В криминологической (и не только) литературе нет ни единой работы, в которой так или иначе не рассматривался бы вопрос о преступности, её толковании, происхождении, сущности и т.д. Преступность – исходное, базовое понятие криминологии, и тот, кто её исследует, обязан решить важнейший концептуальный вопрос о её понимании. Различия в последнем исторически предопределили и продолжают предопределять методологический подход ученых к изучению и осмыслению криминальной реальности, т.е. преступления и преступности. Именно на концептуальных уровнях их разумения целесообразно остановиться, поскольку они формируют в криминологии научные школы, кото-

рые, в свою очередь, существенно влияют на государственную политику борьбы с преступностью.

Вне анализа оставим теологическое понимание природы преступного и преступности как наследие первородного греха, хотя именно религиозной философией рассматривалась проблема соотношения божественного начала в человеке и греха, как проявление его индивидуальной сатанинской злой воли, что обуславливало основание ответственности перед богом и властью. В философской литературе отмечается, что существование зла есть величайшая тайна мировой жизни и величайшее затруднение для официальной теологической доктрины и для всякой монистической фило-

софии. И до настоящего времени в философии продолжается дискуссия: имеет ли зло изначально самостоятельное, собственно онтологическое бытие и, как таковое, укоренено в самой реальности или выступает фрагментом жизни, устремлённой в целом к добру? В самом деле, в человеке ли изначально сокрыта в зародыше способность ко злу (впрочем, как и способность к добру), в том числе и к совершению преступления либо он её приобретает в процессе онтогенеза? В попытке ответить на этот вопрос в криминологии возникло ряд концептуальных позиций, а, следовательно, понимания и определения преступности.

Индетерминистский философский принцип свободы воли человека, перенесённый в сферу уголовного права, а затем и криминологии, исключал целостное восприятие преступности с присущими ей внутренними закономерностями. Криминальная реальность мыслилась в виде множественности преступлений как результат проявления злой (сатанинской) воли отдельных личностей, мотив к действию которых возникает произвольно, по усмотрению самого преступника в силу действия всемирного начала деструктивности людей. Обосновывая необходимость остановить «...деспотические

устремления людей к ниспровержению законов общества...» путём чувственных побуждений – наказаний, ч. Беккариа писал: «...Как показал опыт, массы не могут усвоить твёрдых правил поведения и избежать действия всемирного начала разложения, проявляющегося как в мире физическом, так и моральном как при помощи побуждений, которые, непосредственно поражая чувства и длительно запечатлеваясь в уме, уравновешивают силу впечатлений, порождаемых той или другой страстью, противоборствующей общему благу» [1, с. 89]. Обращает на себя внимание то, что учёный допускает наличие у людей свойственных только им деспотических устремлений, т.е. произвола, объясняя этот феномен действием всемирного начала разложения, чего, однако, для понимания природы человеческого преступного произвола, а тем более преступности явно недостаточно. Некоторые определения преступности и преступного поведения в последующих трудах учёных соответствуют данной концепции. Например, «преступность заключается в совершении деяния, наносящего ущерб очень сильным коллективным чувствам»; «преступность – способ достижения социальных благ и власти»; «преступность – не просто омерзи-

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

тельное событие, это человеческое поведение»; преступность есть «поведение, нежелательное для народа» [Цит по: 8, с. 14].

Антропологический детерминизм с его основной идеей «врождённого преступника» приводил к выводу о существовании криминальной реальности как набора заранее заданных преступлений, совершённых ненормальными людьми. Преступление и даже его вид заранее запрограммированы природой человека. Оно должно случиться, если не будет заблаговременно обезврежен потенциальный преступник. Человек – носитель преступной программы определённого типа, которая со временем сама по себе реализуется. И хотя в последующие годы эта концепция природы преступности была модернизирована, её слишком жёсткие антропологические и юридические выводы смягчены компромиссным заявлением о влиянии и социальных факторов в становлении преступности, всё равно суть её осталась неизменной, что нашло отражение в дальнейших научных поисках объяснения сущности последней [См: 5, 14, 16, 20] и др.

Характерными – в широких рамках этой концепции – являются и определения преступности. Лишь некоторые (из мно-

жества) примеры: «Преступность – разновидность нравственного помешательства»; «преступность – это явление столь же естественное, как рождение, смерть, зачатие»; «преступность – разновидность душевных болезней»; «преступные действия есть реакция на нарушения химических процессов, происходящих в организме человека»; «преступность – психологическое явление, порождаемое чисто психологическими причинами...» и т.п. [Цит. по: 8, с. 14, 15].

Становление понятия «преступность» как явления, не зависящего от произвола отдельной личности, связано с концепцией социального детерминизма, которая позволила её сторонникам превратить поначалу казавшиеся случайными и разрозненными факты в серьёзный показатель состояний господствующих социальных условий. «Общество, – писал А. Кетле, астроном и математик, – заключает в себе зародыш всех имеющихся совершить преступлений, потому что в нём заключаются условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступления, а преступник – только орудие. Всякое состояние предполагает, следовательно, известное число и известный порядок поступков, которые являются как необходи-

мое следствие его организации» [9, с. 44]. Это было открытие. Впервые было выявлено и статистически доказано, что, складываясь из отдельных различных по своей природе, индивидуальных актов, образуется явление, резко отличающееся от составляющих его частей. Образуется преступность как социальное явление, существующее в обществе, благодаря обществу и в связи с условиями этого общества.

Можно прийти к выводу, что преступность и преступления не однопорядковые понятия, что они не соотносятся друг с другом как общее и его часть, а, следовательно, совокупностью преступлений (даже статистической) нельзя объяснить сущность преступности. Природа их различна. Социальным явлением преступность стала потому, что учёные «уловили», заметили её связь с другими, в основном социальными явлениями. Социологи и криминологи прошлого эмпирически зафиксировали и доказали всему миру, что преступления – всего лишь свойство, проявление другого феномена, имя которому – преступность. Однако сущность преступности, т.е. те «...зародыши всех имеющих совершиться преступлений...» под влиянием главной идеи, что преступность – социальное явление, отошли

на второй план. Между тем всё тот же А. Кетле вывел склонность к преступлению в зависимости от пола, профессии, воспитания, климата и даже поры года. Он подчёркивал, что преступность возбуждает резкая смена в жизни от достатка к убогости. Жизнь таких людей полна соблазнов. По мнению ученого, чтобы было совершено преступление, необходимо 3 условия: воля совершить его, что зависит от степени нравственности человека, благоприятные условия для этого и возможность их использования [12, с. 38].

Преступность, как криминальная реальность, – сложное для понимания, а главное – восприятия общественное явление, о котором многие (и учёные, и политики, и практики) судят очень поверхностно, что влечёт за собой множество дилетантских суждений и принятие на этом основании неправильных или заведомо неисполнимых решений. Очень часто в угоду конъюнктурным соображениям объективное толкование преступности отсутствует либо многие её тенденции и свойства пытаются не замечать, ибо их изменение органически связано с коренным пересмотром социально-экономического и политического курса. В отечественной науке под мощным влиянием политиков и практиков сущность

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

преступности искажается, упрощается. Зачастую (и это сказывается на определениях) её пытаются представить только как совокупность преступлений, совершённых в определённый период времени на конкретной территории. Фактически анализу подвергается не феномен преступности, а её проявления, т.е. зарегистрированные преступления.

На многие годы в отечественной криминологии (в учебниках, монографиях, диссертациях, статьях) утверждалось понимание и определение преступности как относительно массового, исторически изменчивого социального, имеющего уголовноправовой характер явления классового общества, слагающегося из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определённый период времени [См: 19, с. 55; 11, с. 173].

Все данные признаки преступности, как и определение её понятия, продолжают вызывать сомнения, возражения, а многие из них едва ли приемлемы. Массовость, даже относительная, – признак явления, в котором пребывает или принимает участие одновременно множество субъектов (например, массовая безработица, массовая забастовка, массовые беспорядки и

т.д.). Так, как её понимают сторонники указанного определения, преступность таким признаками не обладает, поскольку многие преступления совершаются стихийно, нередко случайно, неорганизованно и т.п. А если преступность, т.е. «совокупность уже совершённых преступлений», – явление, то в чём же предметная его сущность? Такова совокупность на этот вопрос ответа не даст, поскольку она сама лишь часть проявления более мощного источника, возможно, кардинально отличного от этой своей совокупности.

Можно, конечно, согласиться с утверждением, что преступность – исторически изменчивое явление (хотя *omnia mutantur*), но лишь с одним уточнением: исторически изменяется лишь форма её проявлений, а сущность остаётся неизменной, как неизменен в целом человек с присущими ему свойствами на протяжении тысячелетий.

Едва ли преступность – явление классового общества. Преступные проявления существовали всегда. Ф. фон Лист утверждал, что «мы можем говорить о преступлении и наказании так же и там, где ещё не завершилось образование государства» [13, с. 8]. Логически мы вправе сказать: когда зло приняло размеры, угрожающие нормальному функционированию

общества, тогда и было сформулировано понятие преступного и выраженного в праве и в создании механизма принуждения в виде государства. Но сформулировано уже существовавшее. И не только в интересах лишь господствующего класса, но и для борьбы со злом... [8, с. 79, 80]. Классовость общества обеспечила лишь мощный приток проявлений преступности путём постоянной криминализации деяний.

Указание на то, что преступность есть социально-правовое, точнее, уголовно-правовое явление, лишено смысла, ибо в человеческом обществе всё правовое является социальным. А правовые нормы – разновидность социальных норм. В то же время смысловой акцент на социальность исключает иные подходы к изучению природы преступного, ориентируя на одностороннюю социологическую парадигму в исследовании этиологии преступности [7, с. 22]. Личность человека, а затем и личность преступника выступают как своеобразные жертвы несовершенства социума, его социальных групп, институтов. Для советской криминологии, даже современной отечественной это было и есть характерным.

Поправка авторов критикуемого определения понятия пре-

ступности, что она есть не механическая сумма отдельных преступлений, а их органическая совокупность, что между всеми признаками и свойствами преступности существует диалектическое единство, не приближает к пониманию преступности. Во-первых, совокупность эта искусственна. Во-вторых, органическая совокупность предполагает системность. О какой системности преступности в данном случае можно говорить, если последняя рассматривается и в теории, и на практике как дискретное явление (по годам, по определённым территориям, регионам, в целом по стране)? В-третьих, явление, т.е. совокупность преступлений, есть внешнее выражение сущности, внешняя форма, в которой реальность определяется в виде множества преступлений. Сущность преступности сокрыта, её невозможно познать простым наблюдением. Цель науки, научного познания как раз и состоит в том, чтобы за внешними формами проявления вещей вскрыть их сущность. Форма проявления и сущность вещей непосредственно не совпадают. Стало быть, совокупность преступлений (проявление) нельзя сводить к преступности (сущности).

За последние годы в криминологии наметился несколько иной подход к пониманию сущ-

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

ности преступности. А.Ф. Зелинский, можно сказать, занимает двойственную позицию относительно данной проблемы. С одной стороны, под преступностью он понимает массовое проявление деструктивности в поведении людей, а с другой, как и другие, – полагает, что преступность – не механическая сумма преступлений, а множество, обладающее признаками вероятностной системы – определённой целостностью, устойчивостью параметров, взаимодействием составляющих её подсистем [7, с. 24, 48]. Применяя термин «деструктивность», он, вроде бы, признаёт, что сущностью преступности является врождённая приверженность человека к разрушительности. Но тогда причём здесь «вероятностная система преступлений», «множество преступлений, совершённых на данной территории или среди членов определённых социальных групп в течение одного года или какой-то его части»? Приверженность к разрушительности – биологическое в человеке, а совершение преступлений, как правило, обусловлено явлениями социального характера. Э. Фромм в известном труде «Анатомия человеческой деструктивности» пишет, что «специфическую человеческую страсть к абсолютному господству над другим

живым существом и желание разрушать (злокачественная агрессия) я выделяю в особую группу и называю словами «деструктивность» и «жестокость», которые не имеют, по его мнению, «филогенетической программы, не служат биологическому приспособлению и не имеет никакой цели» [21, с. 18, 22]. Что же имел в виду А.Ф. Зелинский под «деструктивностью в поведении людей» в контексте понимания преступности, сказать сложно. Но к вопросу о деструктивности как свойстве человека мы ещё вернёмся.

По мнению ряда криминологов, предметная сущность преступности состоит либо в том, что последняя является социальным феноменом общественной жизни в виде неприемлемой и опасной для общества преступной активности его членов [6, с. 137], либо в широко распространённой социальной активности, разновидности массовой практики людей, проявляющейся в деструктивном поведении [4, с. 81], что, впрочем, одно и то же. Если отбросить криминологический дизайн определений, сущность преступности сводится к преступной активности или преступной деструктивности членов общества. Однако при дальнейшем изложении данной проблемы, в частности, о количественно-

качественных показателей преступности, многие правоведы рассматривают её уже как совокупность зарегистрированных преступлений, имеющую свой уровень, структуру, динамику, географию, цену и пр. Но ведь это лишь проявления сущности преступности, названной учеными «криминальной активностью» или «деструктивностью». А они-то чем измеряются, каковы их количественно-качественные показатели? А вот именно они и образуют то, что мы сегодня называем «преступностью».

Прежде чем перейти к изложению своего видения исследуемого понятия, приведем размышления о понимании таких исходных терминов, как «понятие», «явление», «сущность», «совокупность», поскольку они будут использоваться в контексте данной статьи.

Понятие – форма мышления, отражающая предметы в их существенных признаках. Это одна из основных форм научного познания действительности. Формируя понятие, наука фиксирует в нем изучаемые ею предметы, явления, вещи, виды человеческого поведения и прочее и при этом не содержит всего богатства индивидуальных их признаков. Вместе с тем, отвлекаясь от несущественного, случайного, они позволяют глубже проникнуть в действи-

тельность. Значит, преступность – это нечто общее, находящееся вне своего проявления, и от наблюдателя сокрытое.

Явление – это любое проявление чего-нибудь: то, в чём сказывается сущность; это реальность, которая в виде определённой информации является, проявляется, обнаруживается, фиксируется нашими органами чувств и сознанием, вносит изменения в окружающий нас мир; это результат действия каких-то сил. Проявляется в мире и преступность как в виде множественности преступлений (наиболее зримой её части), так и иных, связанных с ней и порой не так отчётливо видимых криминальных последствий. Стало быть, преступность – это реальность, существующая в различных формах своего проявления. Вскрыть сущность чего-либо – значит проникнуть в глубины вещи, явления, в их основные свойства, выявить их основные свойства, законы функционирования, тенденции развития. Проникновение в сущность преступности иллюстрируется многочисленными теоретическими и эмпирическими исследованиями преступного поведения. Под совокупностью мы понимаем некое множество предметов, результатов человеческих деяний, имеющих общие признаки. Как вид поведения, пре-

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

ступность существует в отдельных преступлениях и проявляется в виде их совокупности [18, с. 27], хотя и искусственной.

Различные проявления преступности существуют вечно, чему есть подтверждением фольклор и писаная история народов: заповеди, запреты (табу), наконец, законы, в которых эти проявления обозначены (убийства, разбои, грабежи, изнасилования и др.). Наиболее древним из всех, бесспорно, существовавших и дошедших до нас законодательных актов, включающих наказания по принципу талиона, классической формулировкой которой считается: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Книга Исход, 21.23-25) [22, с. 50], является Свод законов нововавилонского лугаля Хаммурапи, датированный XVIII в. до н.э., состоящий из 280 параграфов. И многие из них содержали суровые наказания за тяжкие преступления. Аналогичные законы существовали и в других странах.

Массовость и почти одинаковость во всём мире запретов и жестоких наказаний за их нарушения нельзя объяснить только социальными условиями, сре-

дой, уровнем культуры, которые, конечно же, различны. Видимо, была и есть в человеческой природе некая константа, присущая только человеку, проявляющаяся исключительно в обществе и остающаяся, по сути, неизменной на протяжении тысячелетий. Эта вредоносная константа была вскоре замечена самими же людьми, и название её – врождённая способность всех людей к отклонению от запрета, склонность к действиям, часто противоречащим даже здравому поступку, и одновременно ничем не отличающаяся от обыкновенного человеческого нормального поведения. Это и есть те «зародыши», о которых не договорил А. Кетле. Кстати, свою книгу он назвал «Человек и развитие его способностей, или опыт общественной физики», в которой писал, что во всем, что касается преступлений, числа повторяются с таким постоянством, что это нельзя не заметить. Это постоянство, с которым ежегодно воспроизводятся одни и те же преступления, есть один из самых любопытных фактов, какие сообщают нам статистические данные. [9, с. 5-7]. Иначе против чего и кого были направлены жесточайшие законы и заповеди, нарушение которых считалось смертным грехом?! Мы намеренно пока избегаем понятия «деструктив-

ность», так как генетическая способность человека к отклонению от правил во всех сферах своего бытия имеет плюсовой и минусовой векторы. Всё зависит от условий и стимулов общественной жизни. Гений и злодейство – не совместимы, но они есть проявление этой способности человека. Философ Э.А. Поздняков это понятие рассматривает как выражение неотъемлемого свойства, имманентного только общественному человеку, т.е. лицу, организованному в ассоциации под названием «общество». Склонность эта – неистребимая потребность в прегрешениях, стремлении отклониться от чего бы то ни было. Она имеет не единичный, индивидуальный, а родовой характер: склонность проистекает из природы как самого человека, так и общества, побуждающего его идти не прямо, а искать обходные пути. Врождённую склонность человека ко всякого рода нарушениям в криминологии называют «отклоняющимся поведением» [17, с. 27, 53, 243].

Э. Фромм, рассматривая анатомию человеческой деструктивности, различал агрессию биологически адаптивную (незлокачественную) и биологически неадаптивную (злокачественную). Первая – это реакция на угрозу витальным интересам индивида; она

заложена в филогенезе свойственна как животным, так и людям; носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу извне, а её следствие – устранение самой угрозы либо её причины. Иначе говоря, адаптивная агрессия – это инстинкт. Вторая же (деструктивность и жестокость), вовсе не есть защитой от нападения и не заложена в филогенезе, а является спецификой только человека; она приносит биологический вред и социальное разрушение. Основу биологической злокачественной агрессии составляет не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека [См.: 21, с. 164; 15, с. 138]. Не включаясь в сложную дискуссию по поводу довольно спорного разделения человеческой деструктивности на незлокачественную и злокачественную, заметим, что обе они – это генетически предопределённая способность человека быть их носителем и проявителем. Хотим мы того или нет, но в социуме образуется некий общественно опасный потенциал. Иное дело, что именно общество создаёт лучшие или худшие, более или менее благоприятные условия для развития этого потенциала.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

На генетическую предрасположенность к указанной способности обращали внимание и отечественные генетики, и криминологи. Так, В.П. Эфроимсон лет 20 назад писал: «Именно гены человека порождают его способность к освоению культуры, отнюдь не определяя, какую культуру он освоит – японскую, американскую или древнеримскую. Гены человека определяют его способности к изучению математики, музыки, поэзии, литературы, астрономии, но не они определяют объём и содержание той культуры и тех знаний, которые выпадут на его долю в результате жизненных обстоятельств; способность к этической оценке тоже определяется генотипом, но этические критерии – что именно считать хорошим, что дурным – в огромной мере определяются социальной преемственностью» [24, с. 177].

Столь длинная цитата классика генетики предназначена, чтобы убедить читателя, что способность человека, в частности и к деструктивности, заложена природой, что новизна идеи состоит лишь в том, что эта способность и есть сущность преступности, но её проявление не фатальное и носит в своём большинстве социальный характер. В этом и есть отличие данной гипотезы от так называемых

биологических врождённых программ преступного поведения. «Исходя из современного состояния криминологических исследований, можно сказать, – пишет Г.Й. Шнайдер, – что преступность – это нормальное, будничное поведение людей, которое они постигают. И в любом случае она не связана ни с какими физическими или психическими отклонениями. Не существует преступных личностей в смысле сочетания в них относительно устойчивых преступных личностных черт» [23, с. 13]. Мы разделяем взгляд, что человек всегда социально опасен, поскольку (ещё раз подчеркнём) он имеет природную способность преодолевать все, в том числе и правовой запрет [3, с. 124, 126]). Но как и любая способность, социальная её опасность взролеет вместе с онтогенезом людей, вызревает и опосредствуется конкретной средой путём подражания (вспомним, теорию подражания Г. Тарда), обучения (теория дифференциальной ассоциации Э. Сазерленда), вынужденности (теория аномии Э. Дюркгейма), недостаточной воспитанности и культуры, страстей, жизненных обстоятельств, экстремальных ситуаций, душевных состояний, психических отклонений, умственной наклонности и пр. Универсальная способность челове-

чества к преступности (а она проявляется во всём мире, среди всех народов, во все времена истории человечества и во всём своём разнообразии), – это, к сожалению, факт. Э.А. Поздняков со всей откровенностью пишет, что каждый человек не только способен на преступление теоретически, но и совершает его на практике при всяком удобном и неудобном случае [17, с. 181]. Результаты исследований в Украине показывают, что от 90 до 100% опрошенных законопослушных граждан призналась, что они совершили преступление, которое осталось латентным [10, с. 55, 56]. В Великобритании 49% британцев считают, что молодое поколение опасно как друг для друга, так и для взрослых [2].

Таким образом, сущность преступности заложена, в базовых человеческих свойствах, в ментальной и психологической конструкции человека, т.е. в нас самих. Следовательно, сущность преступности – врождённое генетическое качество и как таковое не имеет правового значения. Однако форма проявления сущности в виде множественности преступлений формирует преступность как уголовно-правовой феномен. В любом обществе существует аномия, возникает состояние, в котором индивиды оказываются в слож-

ных (действительных или мнимых) социальных ситуациях, объективно, а нередко и субъективно не имея возможности или в силу разных обстоятельств не желая руководствоваться общепринятыми стандартами поведения. Образуется синдром криминальной активности, т.е. возникает убеждение и решимость решать проблемы обходным, в том числе незаконным, преступным путём. Этот синдром можно назвать «криминогенный потенциал общества». Его реализация и есть проявление преступности. Статистическая совокупность этих проявлений даёт некоторое представление о криминогенном потенциале общества, о том, какая часть и какие слои населения наиболее концентрируют этот потенциал, почему и какие общественные отношения его понижают или повышают, а также каковы необходимы меры для его снижения. Иными словами, акцент криминологических исследований переносится на реальный источник преступности – криминогенный потенциал общества. Это потребует разработки соответствующего понятийного аппарата, иных количественно-качественных измерений, иного понимания детерминант, а в конечном счёте – и разработки концепции снижения криминогенного потенциала и его проявлений.

ПРОБЛЕМИ ЗАКОННОСТІ

Список литературы: 1. Беккариа ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2008. – VI. – 184 с. 2. Взрослые британцы считают, что дети опасны для общества // Голос Украины. – 2008. – 10 сент. 3. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М., Юрид. лит., 1975. – 184 с. 4. Дрёмин В.Н. Преступность как объект криминологического изучения // Преступность и криминологические основы уголовной юстиции: Монография / [В.Н. Дрёмин, А.А. Березовский, Н.А. Орловский и др.]: – Одесса.: Фенікс, 2007. – 280 с. 5. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2006. – VI. – 770 с. 6. Закалюк А.П. Курс сучасної української криминології: теорія і практика: У 3-х кн. Кн. 1: Теоретичні засади та історія української криминологічної науки. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2007. – 424 с. 7. Зелинский А.Ф. Криминология: Учеб. пособ. – Харьков: Рубікон, 2000. – 240 с. 8. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М. Рос. право, 1992. – 432 с. 9. Кетле А. Человек и развитие его способностей, или опыт общественной физики – СПб.: О.И. Бакет, 1865. – т.1 – 937 с. 10. Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол.: А.В. Баляба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – 318 с. 11. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 232 с. 12. Курило В.І., Михайлов О.Є., Яра О.С. Криминологія: Заг. ч.: Курс лекцій. – К.: Кондор, 2006. – 192 с. 13. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 110 с. 14. Ломброзо ч. Преступный человек / Пер. с итал. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 880 с. 15. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 225 с. 16. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекте поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / Сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Фёдорова. – М.: ИНФРА-М, 2007. – IX. – 302 с. 17. Поздняков Э.А. Философия преступления: для тех, кто не боится потерять иллюзии. – М. Изд-во Новоспас. монастыря, 2001. – 576 с. 18. Сахаров А.Б. Некоторые принципиальные вопросы советской криминологии // Криминология и уголовная политика. – М.: Изд-во ИГПАН СССР, 1985. – С. 25-28. 19. Советская криминология / Авт. кол.: А.А. Герцензон, В.К. Звирбуль, И.И. Карпец и др. – М.: Юрид. лит., 1966. – 320 с. 20. Ферри Э. Уголовная социология / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2005. – VIII. – 658 с. 21. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Пер. с англ. / Авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. – М.: Республика, 1994. – 447 с. 22. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: Учеб. пособ. / Под. ред. В.Н. Садикова. – М.: Проспект, 2002. (Цит. по книге: Корсаков К.В. Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 234 с.) 23. Шнайдер Г.И. Криминология: Пер. с нем. / Под общ. ред. и с предисл. Л.О. Иванова. – М., Изд. гр. «Прогресс» - «Универс», 1994. – 504 с. 24. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. – СПб.: Талисман, 1995. – 288 с.

Надійшла до редакції 08.12.2008 р.